

Сяо Дин, видя, что Е Тянь никак не решается действовать, в ярости закричал:

— Е Тянь! Чтоб ты сдох! Я чертовски жалею, что спас тебя!

Е Тянь сжал губы. Когда его сдерживал Мэн Сяофань, Сяо Дин пришел ему на помощь... Ладно, пусть будет как в поговорке: услуга за услугу. Наконец Е Тянь неспешно подошел, одной рукой схватил ногу зомби и оттащил его на полметра.

Сяо Дин, освободившись от одного зомби, едва смог высвободить руку и нанес три сильных удара по голове другого зомби. Зомби свалился с него, и Сяо Дин наконец поднялся на ноги.

— Гу Е! Как ты там?

Ситуация с Гу Е была еще более удручающей. В этот момент он был как мясо Тань Сэна — все зомби буквально рвали его на части, стремясь оторвать конечности.

Тань Линь продолжал защищать Гу Е, и хотя его боевые навыки были на высоте, в такой ситуации даже три удара не могли справиться с четырьмя руками. Уже было видно, что он начинает проигрывать. Группа зомби окружила его, пытаясь вырвать из его рук ствол пистолета.

Воспользовавшись тем, что Тань Линь был занят, Чэн Мэн приблизилась к Гу Е и пронзительно закричала:

— Верни мне мой блокнот!

— Гу Е! — Тань Линь отбросил окружавших его зомби и перехватил Чэн Мэн.

Та с криком швырнула его на ствол дерева. Сяо Дин и Е Тянь, бросившиеся на помощь сзади, также были отброшены в сторону с силой.

Чэн Мэн шаг за шагом приближалась к Гу Е.

На этот раз никто не мог ему помочь. Сяо Дин, с печалью лежа на земле, закричал:

— Гу Е, Гу Е, будь осторожен!

Страницы в руках Гу Е становились все тоньше. Одна, две... Он игнорировал безумие Чэн Мэн и продолжал читать.

Третья строка, четвертая.

Рука Чэн Мэн сжала его горло.

— Хватит читать, заткнись!

Пятая строка, шестая.

Зрение Гу Е начало затуманиваться, а сильная боль, исходившая от всех частей тела, почти лишила его сознания.

— Верни мне мой блокнот. — Чэн Мэн, разъяренная, все сильнее сжимала его горло.

Последняя страница. Гу Е из последних сил перевернул страницу. Он почувствовал, как его

тело начинает согреваться, а на горизонте появился слабый луч света. Этот свет преодолел бесконечное расстояние и достиг их глаз. Он, поддерживая свое шаткое тело, произнес последнее имя на бумаге, зная, что скоро рассветет.

Блокнот из телячьей кожи упал на землю. Чэн Мэн, не веря своим глазам, отпустила его, и Гу Е рухнул на землю.

Вокруг был полный хаос, повсюду лежали останки зомби и лужи крови.

Гу Е спокойно сказал Чэн Мэн:

— Рассвет наступил, игра окончена.

Чэн Мэн молчала, ее плечи дрожали.

Гу Е сказал:

— Могу я задать тебе вопрос?

Он сделал паузу.

— Почему ты поступила с ними так?

Чэн Мэн подняла лицо, ее глаза, наполненные коричневым грибком, были покрыты утренней росой. Она, как маленькая девочка, пережившая множество обид, с глубокой печалью сказала ему:

— Я хотела, чтобы кто-то поиграл со мной.

Рыдания Чэн Мэн постепенно стихли, и Гу Е почувствовал, как он погружается в чужой сон.

Первая сцена сна — женский туалет в школе.

Во сне Чэн Мэн, выглядевшая так же, как на фотографии, стояла перед зеркалом и мыла руки, открыв кран. Подруга с ярким макияжем подошла к ней и, глядя в зеркало, заговорила:

— Эй, у меня тут прыщик на носу, видно?

— Нет, он совсем маленький.

Подруга, выдавливая прыщик, с завистью сказала:

— Чэн Мэн, как я тебе завидую, у тебя такая хорошая кожа, без прыщей.

— Правда? — Чэн Мэн посмотрела в зеркало, и в этот момент отражение в зеркале вдруг улыбнулось ей.

Чэн Мэн замерла, пытаясь успокоиться и убедить себя, что это ей показалось. Она с тревогой снова посмотрела в зеркало, и улыбка в зеркале становилась все шире, появилась маленькая ямочка.

— Я улыбаюсь? — с ужасом спросила Чэн Мэн, глядя в зеркало.

Подруга с удивлением посмотрела на нее:

— Чэн Мэн, ты что, с ума сошла? Ты сама не знаешь, улыбаешься или нет?

— Нет, нет! — Чэн Мэн начала яростно царапать свое лицо. Отражение в зеркале было не ею. Кто это был? Из-под ее пальцев потекли ручьи крови, но отражение в зеркале продолжало зловеще улыбаться.

— Боже мой, помогите! Чэн Мэн сошла с ума! — Подруга в панике выбежала из туалета.

Сцена начала меняться, и когда зрение снова прояснилось, Чэн Мэн оказалась на шумной встрече одноклассников.

Десяток друзей ели, пели, а после усталости кто-то предложил:

— Давайте сыграем в «Оборотней».

— «Оборотни»? Давай, сколько нас?

Подруга пересчитала:

— Нас девять, как раз.

Кто-то указал на Чэн Мэн в углу:

— А она?

— Она? — Кто-то узнал Чэн Мэн. — Это не та сумасшедшая из третьего класса?

— Не говори так, — остановила подруга.

— Сумасшедшая, наверное, не поймет, о чем мы говорим. Чего ты переживаешь? Ты с ней в одном классе? Ты с ней дружишь, не боишься заразиться? Ха-ха-ха! Кто ее вообще пригласил? Наверное, тоже сумасшедший.

Все засмеялись.

Подруга покраснела от смущения и громко сказала:

— Кто с ней дружит?! Она сама пришла, нас и так хватает.

Подруга подошла к Чэн Мэн и холодно сказала:

— Нас уже достаточно, ты можешь идти.

— О, я пойду.

За спиной раздался еще более язвительный смех. Насмешки незнакомцев были как камни, бьющие по телу, а холодность и отчуждение друзей — как нож, вонзающийся в сердце.

Это был ее первый сон, в котором она потеряла всех своих друзей.

*

Второй сон происходил в клинике пластической хирургии.

Хирург, держа в руках историю болезни, спросил Чэн Мэн:

— Как ты хочешь выглядеть? Как Фань Бинбин или как Линь Цинся?

Медсестра засмеялась:

— Дядя, вы совсем отстали от жизни. Сейчас все хотят быть как Энджелабэби, с примесью иностранной крови.

— Ладно, — хирург маркером нарисовал отметки на лице Чэн Мэн. — Вот тут добавим силикон, тут срежем, тут растянем, и все будет идеально.

Ее положили на операционный стол, перед глазами ярко горела лампа. Это была не первая ее операция. Боль была все такой же острой. Хирургический нож разрезал ее кожу, удалял кости. Ее глаза стали ярче и выразительнее, нос — прямым и высоким, подбородок — острым и четким. Она стала красивее, привлекательнее, более желанной.

Медсестра сняла с ее лица бинты и дала ей зеркало:

— Посмотри, ты теперь очень красивая.

Она с тревогой взяла зеркало, и отражение в нем, странное и зловещее, снова улыбалось ей.

Кто это был? Это была не она.

Тысячи порезов на операционном столе не принесли никаких изменений. Чэн Мэн в ужасе закричала:

— Убери! Убери зеркало!

Она яростно рвала свое лицо, пока кожа не превратилась в кровавое месиво.

Медсестра ворвалась в палату:

— Она сошла с ума, она сошла с ума!

Две медсестры силой удерживали ее руки, вводя ей успокоительное. Оно начало действовать, она постепенно перестала двигаться, как рыба, выброшенная на берег.

Это был ее второй сон, в котором даже смена лица не могла избавить ее от тени.

*

Третий сон — белая больница.

Она смотрела на потрескавшийся потолок, пятна от воды, которые всегда заставляли ее думать о странных вещах, о ярких пастбищах средневековой Англии, о страшных ведьмах из темной магии.

Палата была тщательно подготовлена, все отражающие поверхности были закрыты тканью.

Дверь палаты открылась, и вошли супруги.

Они были одеты чисто, но очень скромно. Девушка сразу закрыла глаза, они думали, что она спит, но это было не так.

Муж закурил сигарету, жена одернула его:

— В палате нельзя курить.

Муж с раздражением потушил сигарету:

— Знаешь, это все твоя вина.

— Как это моя вина?

— Это все из-за этих дурацких романов. Я тебе говорил, не разрешай ей читать всякую ерунду. Теперь вот, довела до сумасшествия.

Он с особой интонацией произнес слово «сумасшествие», раздраженный тем, что ему приходится иметь дело с этим несчастьем.

<http://bllate.org/book/16193/1452891>